

Василий Гонзалес

ПТИЦА ФЕЙГА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Василий Гонзалес

Птица Фейга

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гонзалес В.

Птица Фейга / В. Гонзалес — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Это рассказ про любовь еврейской девушки и русского парня. А еще про СССР, древних богов и очень умного кота. Содержит нецензурную брань.

© Гонзалес В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Эта история началась, когда я и мои друзья решили пойти на дискотеку швейной фабрики. В тот момент началась моя личная история, моя осознанная, взрослая жизнь, моя личная биография. В маленьком городке, в городке моего детства жизни всех детей были примерно одинаково спланированы: рождение в роддоме, спустя некоторое время ясли, затем детский сад, школа. Я не стал исключением: благополучно родился, прошел через ясли, переболел рахитом, едва заметно изменившим мою осанку, окончил детский сад, поступил в школу и к моменту начала своей персональной, отличной от других, биографии проучился в ней больше девяти лет. И, хотя я был юн и иногда восторжен, я уже тогда понимал, что мои «друзья» мне вовсе не друзья, а не больше, чем случайные попутчики. Из книжек я знал, что такое настоящая дружба, и наши отношения вовсе не были похожи на отношения трех товарищей. Мы, все трое, учились в одном классе, в последнем, десятом классе обычной средней школы обычного провинциального городка недалеко от Минска. Для меня было очевидно, что после школы мы скорей всего никогда не встретимся: я планировал уехать из городка если не навсегда, то надолго. Во всяком случае, сразу после школы я был намерен уехать в Минск учиться в университете. А дальше у моих ног лежала вся планета.

Была осень 1987 года. Политические и социальные страсти, бушевавшие в столицах разрушающейся империи, почти не достигали городка моего детства. Мои ровесники в основном уже курили табак и пили самогон. Нравы строгостью не отличались: многие парни, а тем более, девушки, уже имели сексуальный опыт, это было нормой для забытого богом провинциального городка. Я же был белой вороной: не пил, не курил, активно занимался спортом, много читал, любил хорошую музыку. С такими данными шансов на секс у меня было немного: с одной стороны, девушки меня побаивались, как немного странного парня, с другой стороны, у меня были завышенные требования: тупой животный секс меня не привлекал, мне хотелось романтики, как в книжках. Тем не менее, на момент начала моей биографии мне было 16, и я очень хотел женщину. Поход на дискотеку швейной фабрики был задуман для того, чтобы, наконец, избавиться от девственности. В школе среди одноклассниц ловить было нечего, одноклассницы предпочитали встречаться с парнями постарше, и на нас смотрели, как на детей. На швейной же фабрике был шанс познакомиться со взрослыми, лет восемнадцати-девятнадцати, женщинами, знающими, как нам представлялось, толк в отношениях. План был безупречен в своей простоте: приходим, знакомимся, а дальше по обстоятельствам.

Вечер был холодный и дождливый. На проходной я, как самый высокий и плечистый, басом буркнул вахтеру: «На танцы...», и он пропустил нас через скрипучий турникет, мы прошли еще немного по улице до здания администрации фабрики. В актовом зале очень громко звучала ритмичная музыка, было почти совсем темно. Несколько тусклых разноцветных фонарей светили со сцены в потолок зала. Людей в зале было много, все двигались в такт музыке, лиц было не разобрать, силуэты едва угадывались. Угольки сигарет описывали причудливые траектории, иногда ненадолго освещая неровным оранжевым светом лица курящих, пока те затаивались. Все были в верхней одежде: актовый зал не отапливался. Пахло в зале сигаретным дымом, самогоном, мокрой одеждой, блевотиной, человеческим потом, грязными носками, дешевыми духами, и еще бог знает чем. Музыка ревела так, что себя не было слышно. Познакомиться с кем-то в такой ситуации было невозможно, а, как по мне, так и всякое желание пропало.

Мы вышли из зала, чтобы обсудить и скорректировать план. Я был готов признать поражение и уйти, не оглядываясь. Но друзья настояли на том, что нужно дождаться медленной песни и пригласить женщин на танец. Музыка будет играть чуть тише, и появится возможность познакомиться, поговорить и увести женщин с собой. Если это будут чужие женщины, то в зависимости от количества и состояния новых врагов, мы будем драться или убегать. Я был против, но план утвердили большинством голосов.

Девушка, которую я не глядя пригласил на медленный танец, оказалась маленького роста, толстенькая, она едва держалась на ногах, очевидно, от количества выпитого, так что мне приходилось время от времени поддерживать ее, чтобы она не упала. Лица моей партнерши я не видел в темноте, в моей руке безвольно лежала ее мокрая рука, другой рукой я обнимал ее мокрую болоньевую куртку. Она пьяно пыталась докричаться до меня снизу, пыталась что-то сообщить мне, но я ни слова не разобрал. Она выкрикивала мне в лицо какие-то отдельные короткие слова. У нее так ужасно воняло изо рта смесью перегара, сигаретных окурков, блевотины и гнилых зубов, что мне поневоле приходилось отворачиваться. Мы топтались на месте, даже не стараясь попадать в ритм музыки. Вокруг нас точно также топталось множество пар, задевая и толкая и друг друга. Внезапно, видимо обидевшись на мое явно брезгливое к ней отношение, еще задолго до окончания песни партнерша вырвалась из моих рук и убежала куда-то сквозь топчущуюся толпу, оставив меня одного. Никто вокруг не обратил на это внимания. Я стал пробираться к выходу. По дороге я налетел на одного из моих друзей, топтавшегося с какой-то высокой, выше его почти на голову, девушкой. Быть на голову выше моего друга – дело немудреное, он был совсем невысокого роста. Но, тем не менее, его партнерша была действительно девушкой высокой, почти одного со мной роста. Жестом, приложив руки к груди, я извинился и показал, что направляюсь к выходу.

На улице было холодно, мокро и очень свежо, пахло прелой листвой и мокрой землей. Я жадно дышал чистым влажным воздухом. Было бы совсем тихо, если бы даже сюда не доносились глухие отзвуки чудовищной дискотечной музыки. Но здесь, под черным небом, под мелким чистым дождем она не раздражала, она была безопасна. Я поднял ворох опавшей грязной листвы и тщательно вытер листвой руки. Очень хотелось принять горячий душ с каким-нибудь особенно едким мылом.

Передо мной в неровном свете далеких уличных фонарей возникли три силуэта, один из них голосом моего друга сказал: «Знакомься, это Катя».

– Катя, – тихо, с улыбкой сказала высокая, почти на голову выше моего друга, девушка, и протянула мне руку. Я не знал, что мне делать: я только что оттирал свои руки грязной листвой от дискотечной мерзости. Мерзость-то я оттер, ну руки мои были в осенней уличной грязи. Сконфузившись, лихорадочно думая, как быть с протянутой мне рукой, я машинально выдвигал своей правой рукой короткие таинственные пассы, – Ну пожмите же мне руку, не могу же я стоять с протянутой рукой, пока вы решаете, что делать с вашей грязью, – весело, заметно картавя, сказала Катя. Я быстро вытер правую руку о брюки и пожал протянутую мне руку. Я почувствовал, что рука моя осталась мокрой и грязной. Катино рукопожатие оказалось неожиданно крепким. Она, безусловно, почувствовала грязь между нашими ладонями. – Не переживайте, я видела, как вы пытались вытереть руки травой.

– Очень п-приятно, – не своим голосом сказал я. – Листьями. Не т-т-травой, а-а листвой. – Я – заика. В спокойном состоянии мог говорить довольно плавно, но чем больше я нервничал, тем больше заикался. А в тот момент нервничал я сильно, и был уверен, что даже пару простых слов сказать без запинки у меня не получится. От этого нервничал еще больше.

Катя засмеялась:

– Это очень важно, что не травой, а листьями! И мне приятно. Но зовут-то вас как?

– Нас зовут Алексей! – представил меня один из моих друзей. – Мы у нас спортсмен, книголюб, почти отличник и большой романтик!

– Н-н-неправда, – хриплым, сорвавшимся голосом проворчал я. Потом прокашлялся и твердо повторил: – Неправда.

– Что именно неправда? – весело спросила Катя? Я окончательно растерялся, сконфузился и даже немного обиделся на эту веселую девушку. Я даже отвернулся.

Мы все втроем провожали Катю домой. Оказалось, что Катя живет недалеко, минутах в десяти неспешной ходьбы. Все десять минут мои друзья и Катя весело болтали. Я же, будучи

не в силах справиться с замешательством, хмуρο молчал. Только два, самое большее три раза сказал «Да». Всю дорогу думал о том, что я запачкал Кате руку, какое у нее крепкое рукопожатие, и о том, как она невозможно картавит, при этом абсолютно не стесняется, и о том, какая буря занесла ее на дискотеку швейной фабрики. Лица Катиного я почти не разглядел. В тусклом свете редких уличных фонарей я мог иногда видеть ее профиль. Профиль у Кати был птичий, хищный, нос с горбинкой, скулы высокие и острые, а из-под вязаной шапочки выбивалась и ложилась на воротник пальто густая, плотная копна кучерявых волос. Голос ее был – простой девичий голос, говорила она быстро, гладко, правильно. Шуткам звонко смеялась, шутила сама. Вот ведь совсем инопланетное существо, – думал я. Она мне ужасно понравилась. Перед прощанием Катя пригласила нас приходиться к ней в школу танцев в среду в шесть часов вечера в дом культуры железнодорожников, обещала научить нас танцевать.

В среду в шесть часов вчера я стоял возле входа в дом культуры железнодорожников. Я был один. Друзья мои отказались идти, сказали, что танцы – это глупости. А девушка их не очень-то и заинтересовала, мол, уж слишком высока для них. Мне же настоятельно рекомендовали идти, мол, и ростом подхожу, и с головой также нехорошо, может чего и получится в плане потери девственности. Минут двадцать я не мог решиться войти внутрь, стоя под первым ноябрьским снегом. Уж какие сомнения меня одолевали в те двадцать минут, не возьмусь и описать. Главное – успокоиться, чтобы можно было более-менее гладко разговаривать. Мне просто необходима была гладкая речь, потому что я заранее составил план: вызвать Катю на минуточку, сказать ей, как очень сильно она мне нравится, и пригласить на свидание тет-а-тет. Я готовился к реализации этого плана очень тщательно: я составил и, запережившись от родителей в своей маленькой, но отдельной (невиданная по тем временам роскошь), комнате, придирчиво шлифовал текст, меняя слова, пробуя разные интонации; отработывал перед зеркалом мимику и жесты, принимал эффектные позы. Я хотел выглядеть свободно, непринужденно. И очень хотел сказать, как же очень сильно мне понравилась Катя. Странно, ведь я даже не рассмотрел ее толком, не поговорил ни о чем, я помнил только ее голос, ее французское «р», ее высокий рост и птичий профиль. Но мое воображение восполнило все пробелы: наделило Катю всеми возможными достоинствами, как физическими, так и душевными. Наверное, я влюбился тогда, влюбился в придуманную девушку. Текста, который я приготовил, не помню. Наверное, получилось что-то глупое и пафосное. Наверное, и выглядел я глупо, поскольку даже наш сосед по лестничной клетке, инженер Сергей Иванович, вышедший на перекур, заметил: «А где ж твоя сумка? Да ты никак не на тренировку? Не уж-то небо на землю упало?» – потом рассмотрел меня повнимательней в свете тусклой подъездной лампочки, – «Дай-ка угадаю... Ой, какой глупый вид... На свидание идешь!» Сергей Иванович был очень хороший и добрый человек, и обижаться на него не было никакой возможности.

Нужное помещение в доме культуры я нашел, идя на звуки музыки. Это был довольно большой зал с паркетным полом и зеркальной стеной, делавшей зал и количество танцующих вдвое больше. Звучал штрауссовский вальс, в танце кружились пары, пар шесть или семь. В основном танцевали девушка с девушкой, парней было всего трое, и они были совсем еще мальчишки, лет по двенадцать. Парни обнимали своих партнерш за талии и были чрезвычайно серьезны. Знакомый голос перекрывал музыку, отсчитывал, грассируя: «Раз-два-три, раз-два-три, внимательно, плавней движения... Леночка, спинку прогни...» Я на минуту застыл в двери, не решаясь войти, боясь помешать скользящим в вальсе парам. Затем заметил гимнастическую скамейку у стены, и быстро уселся на нее. Мимо меня пролетали танцующие вальс пары. «Очень хорошо, – звонко сообщил Катин голос, – Давайте отдохнем минутку: у нас гости». Магнитофон выключили, стало тихо, все остановились и уставились на меня, девушки улыбались. Я смотрел на танцоров снизу вверх и был готов провалиться сквозь пол от смущения. Я понимал, насколько нелепо я выгляжу в мокрой зимней куртке среди спортивно одетых людей, я видел, что с моих ботинок натаяла лужа грязной воды на чистый танцевальный пар-

кет, а главное – я не видел Кати. Пауза убила бы меня непременно, но поднялся ветер, в зале засвистело, закружило, зашумело в ушах, волосы танцоров взметнулись, юбочки затрепетали на ветру. Свет на мгновение померк, тень накрыла меня... Это была тень Катиных крыльев, это ко мне прилетела Катя, чтобы спасти меня от чужих взглядов. Она с шорохом сложила огромные черные крылья за спиной, ветер мгновенно стих, Катя уселась рядышком со мной на лавочку.

– Привет! – она широко улыбалась, – Хорошо, что ты пришел.

– Ты очень п-похожа на п-п-птицу, – выговорил я. Я совершенно забыл подготовленный текст.

– Хммм... Как странно. Это, наверное, потому, что у меня длинный нос, да? Или потому, что я картавлю, как ворона? – Катя весело засмеялась. – Но заметь, тем не менее, нос у меня тонкий, и профиль мой очень аристократичный, смотри! – И Катя повернулась ко мне щекой, вздернув подбородок. Глядя на Катин профиль, я вспомнил книжную картинку, на которой была изображена грузинская царица. Только у царицы волосы были убраны под какой-то головной убор, а Катина прическа представляла собой большуюшущую копну кудрявых темных, почти черных, со странным медным отливом, волос. – Похожа я на римскую статую? – Она снова весело рассмеялась и я, заразившись ее весельем, рассмеялся вместе с ней. – А ты, как я заметила, не очень любишь здороваться?

– Ой, п-п-прости, – ответил я. – Ты так стремительно подбежала, что я н-н-немного растерялся. Здравствуй, Катя! – удивительно, хотя и сердце мое выбивало барабанную дробь от волнения, я почти не заикался.

Она сидела совсем близко ко мне, и я чувствовал тепло ее разогретого тренированного тела. Ее высокие скулы были румяны, яркие карие глаза смеялись.

– Ну, здравствуй, Алексей! – Катя положила руку мне на плечо. Мне снова на мгновение привиделось, что Катя – огромная птица, сильная, жаркая, укрыла меня своим крылом. – Давай-ка переставай стесняться, снимай куртку, посиди, посмотри, как мы танцуем. А вдруг тебе понравится? Хорошо? А после занятий и поговорим.

– Хорошо, – ответил я. Катя убежала, снова заиграла музыка.

Конечно же, ни на какие танцы я не смотрел. Я смотрел только на Катю. Катя была высокая, гибкая, очень пластичная девушка. Пластика ее тоже напоминала пластику большой птицы, но не угловатого аиста, а изящной цапли. Стан ее был тонок и гибок, движения сильного тела были плавны и лаконичны, взмахи рук напоминали взмахи крыльев. Чуть великоватая грудь совсем не портила ее, напротив, придавала образу женственности. В копне ее кудрявых волос жил ветер... Иногда мне казалось, что она расправляет несуществующие крылья и летает по залу. «Совершенно невозможное существо... Инопланетянка...» – думал я. В те полчаса, пока я наблюдал за инопланетянкой, я погиб окончательно. Я не мог не влюбиться. Но теперь уж я влюбился не в придуманный образ, а в совершенно настоящую, хотя и совсем невероятную, Катю.

Снова поднялся ветер, но теперь уже не такой сильный, как в первый раз. Катя подлетела ко мне и, не складывая крыльев, сказала:

– Подожди меня на улице минут десять, я переоденусь, хорошо? – Не дожидаясь ответа, мощно взмахнула крыльями, обдала меня разогретым воздухом, поднялась почти под потолок, сделала круг, на лету попрощалась с каждым из танцоров, и исчезла, скрылась в двери на другом конце зала.

Возле входа в дом культуры железнодорожников стоял фонарь. В его свете медленно двигались к земле крупные, похожие на клочья пуха, снежинки. Этот первый в этой зиме снегопад был очень сильный, густой, пока я сидел в танцевальном зале, он покрыл землю, деревья, дома, все вокруг толстым чистым покрывалом. Стало светло и очень тихо. Пока я ждал Катю, снег покрыл и меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.